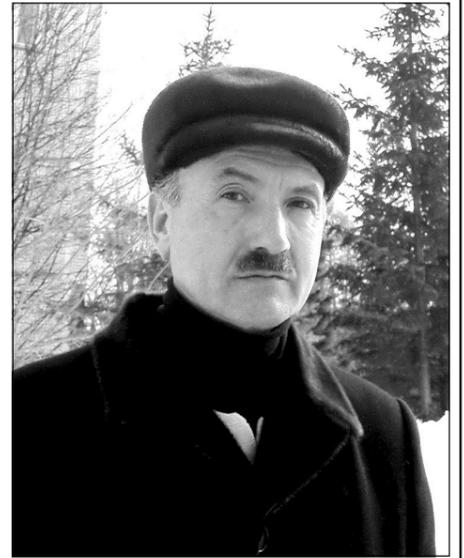

Человек Севера

В 2012 году доктор геолого-минералогических наук Александр Васильевич Толстов переехал из Якутии в новосибирский Академгородок. Сегодня первооткрыватель Томтора — ведущий научный сотрудник Института геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН.

В Новосибирске Александр Васильевич возрождает тему «Редкие земли в России». Месторождения редкоземельных элементов мало разведаны, но потребность в них высока: всё новые композиты, материалы в электронике, оборонной, ядерной, космической, авиационной технике изготавливаются с их применением. В первое десятилетие нового века в мире сложилось так: редкоземельные элементы (иттрий, европий, тербий, лантан, тантал, ниобий, бериллий, литий и другие) производил только Китай, лидирующий по их запасам. Он поставлял РЗЭ на мировой рынок по доступным ценам и сам постепенно наращивал их потребление. Как только внутри страны стала использоваться их большая часть, поставки на мировой рынок были прекращены. Позже Китай возобновил экспорт, но по ценам в десятки раз выше прежних. Возник дефицит, весь мир стал искать новые источники.

Россия имеет колоссальную ресурсную базу «редких земель»: второе место по запасам и первое по ресурсам благодаря Томторскому месторождению. Это направление перспективно и через несколько лет будет востребовано наравне с нефтью, рудными элементами, металлами и алмазами. В Новосибирской области потребность в РЗЭ высока и продолжает увеличиваться. Намеченный Правительством РФ курс на глобальное переоснащение Вооруженных сил напрямую связан с внедрением их в оборонной промышленности. «Гражданские» высокотехнологичные производства также не обходятся без редкоземельных элементов. Благодаря создаваемой на базе Института геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН лаборатории по изучению месторождений стратегически важных РЗЭ в России коллективу новосибирских учёных в будущем может принадлежать пальма первенства в этом направлении.

Толстов — человек творческий, автор очерков, научных работ, двух художественных книг: эссе «Геологи Эбеляха» и биографической повести «Первая практика», активно работает над третьей. Его проза посвящена тем, кто прошел испытание Севером, памяти ушедших, а ещё — студенчеству и молодёжи, выбирающей профессию. Ведь главное — не бояться трудностей. Вспоминается не зифория от успехов, а самое тяжёлое — когда шли по тайге 12 часов кряду, ноги подкашивались. И вот — счастье, остановиться, припасть к оттаявшей в мерзлоте лужице, пить из неё кристально чистую воду и видеть, как в ней небо отражается, иголки лиственницы плавают. И вкуснее этой воды в жизни ничего быть не может, а если в кармане сухарь завалился — совсем хорошо!

Александр Васильевич за удобным, но простым столом, рядом микроскоп, пробы в пластиковых контейнерах, образцы. Что теперь? Руки его лежат у клавиатуры компьютера, на мгновение застыли — для них это непривычно, они всегда в движении. Взгляд устремляется за окно, на верхушки растущих возле института сосен и дальше к горизонту. Кажется, ещё немного, и Толстов, человек Севера, увидит ставший самым важным в жизни Томтор. До свидания, Якутия — здравствуй, Сибирь!

Е.А. Плитченко, специально для «НВС»

— Александр Николаевич, получается, что вы каждое лето в экспедиции? Сколько же у вас «полей», как говорят студенты, было?

— Два года назад у меня был юбилей, и я подсчитал — 40 полевых сезонов, теперь уже 42, я их все сам и организовывал в качестве начальника полевого отряда. В иной год было по два сезона — летний и зимний. Зимних было 14 — в Новосибирской области, на Алтае, в Ханты-Мансийском автономном округе. Два сезона были почти курортные — на Болгарском шельфе Черного моря. Для болгар нефть искали.

— А какой сезон был самым результативным или, может быть, запомнившимся?

— Трудно сказать. Каждый сезон даёт результаты, но больше запомнились зимние работы, нестандартные и опасные — морозы под минус сорок, техника не выдерживала, ломалась, всякие ЧП бывали. Вспоминаются поездки по Алтаю, когда там нефть искали — красивые места, ночёвки в палатках, даже посиделки у костров. Это у геологов романтика — горы, сплав по рекам, а мы работаем в грязных, разрушенных карьерах. Рутинно! Но нам это интересно, нам нужен этот керн.

А вообще я объехал весь Север — в первый раз, помню, ехал до Салехарда, не зная дороги, гнал машину через Свердловск, Пермь, Киров, Воркуту, Печору. Дорог нет — где-то на баржу, где-то на паровоз погрузишься, но пока едешь, новые интересные места посмотришь, сфотографируешь. Приходилось бывать и в Забайкалье, и в Красноярском крае, в Средней Азии, но в основном экспедиции были в разные районы Западной Сибири.

— У вас большая лаборатория, а как с молодёжью, с ребятами? Всё-таки, что ни говори, геолог — мужская профессия...

— В лаборатории геохимии нефти и газа — 30 сотрудников, из них 25 женщин. А геологов всего двое, оба немалые — мне 62 года, коллеге 73, но мы каждый год бываем в экспедиции и нынешним летом опять поедем. Молодёжь приходит, но остаются в основном девушки, а на полевые работы я их стараюсь не брать — тяжело там, мне их жалко. Навыки и опыт передаю студентам, преподаю в НГУ с 1975 года. Каждый год у нас несколько студентов делают дипломные работы. Сейчас их у меня четверо.

— Они планируют в лаборатории остаться?

— Нет, не планируют. У нас работа аналитическая, нужно работать за приборами. А молодёжь хочет работать за компьютером, обрабатывать готовые данные, рисовать...

— Может быть, они в институте особой перспективы для себя не видят — у вас почему-то, даже по сравнению с геологами и геофизиками, очень мало кандидатских защит. Как будто институт не заинтересован в этом...

— Проблема есть. Возможно, у нас высокие требования к диссертациям, но это и правильно, так и должно быть. Вроде и молодёжь есть в институте, но побудут год-два — и уходят в фирмы. В науке зарплаты не самые высокие. Некоторые говорят: вот заработаем на квартиру и вернёмся к вам, но это вряд ли. Тем не менее, через пару месяцев будет защищаться в нефтяном отделе кандидатская диссертация одного молодого человека. На подходе ещё несколько. Так что не всё плохо в этом отношении.

— Какие у вас планы на будущее? Не собираетесь ли готовить новую монографию?

— Что касается планов, работа наша востребована в настоящее время, будем продолжать. Насчёт новых монографий пока не знаю, но учебное пособие для студентов готовлю. Пока здоровье позволяет, буду ездить в экспедиции. Я не представляю себе жизни без них, и хотя семья относится к этому отрицательно, не могу я летом сидеть на месте. И мой пример оказался заразительным — сын Михаил также стал геологом.

— Династия, значит, будет. С праздником вас, геологи! Хороших вам полей. Александр Николаевич!

В. Михайлова, «НВС». Фото из личного архива А.Н. Фомина

Александр Васильевич за рабочим столом. Рядом непременно научные журналы, книги, шкафы с отчётами, образцы. За окном мерно покачиваются верхушки сосен. Он совсем не похож на хрестоматийного учёного: ни белого халата, ни гривы седых волос, ни отрешённости от мира, свойственной порой людям науки. Очень быстрый, рациональный и пылкий ум исследователя, может, таким был Ньютон, Кюри или Ломоносов? В поисках истины научная мысль проходит сквозь миллионы лет, как бур сквозь толщу породы. Живое и активное восприятие жизни, желание понять причину.

Встав однажды на путь исследователя, с него не сойти — нечестно! Не в геологических традициях отступать, не в геологических традициях предавать. Толстов — человек, навсегда «заболевший» геологией, сохранивший в себе тот юношеский порыв, с которым когда-то студентом геологоразведочного техникума прибыл в Южную Якутию. Он упорно идёт к своей цели: по жизни, как по геологическому маршруту — сквозь пургу и ледяной ветер, когда кажется, что это природа преграждает путь, охраняя свои тайны.

Взгляд растворяется в воспоминаниях: как давно было начало, как много в прошлом. События проходят чередой.

Ему пять. Совпадение: в его день рождения учредили День геолога. По радио пели «Держись геолог, крепись геолог», маленький Александр шлёпал по лужам в сапогах и тоже пел — такая яркая картинка из детства.

Кто такой геолог, узнал много позже. Старшая сестра, закончив восьмилетку, вдруг пошла в геологоразведочный техникум. А когда она училась на втором курсе, в 1974-м, начался БАМ. Она приезжала, рассказывала про геологов, привозила цветные красивые камни, названия которых он уже знал, и заронила зерно в благодатную почву. После восьмого класса Александр поехал и поступил в Старооскольский геологоразведочный. Потом была первая практика — Якутия и позже Средняя Азия, Кызылкум. Интересно становилось, хотелось нарисовать разрез или карту, и решил продолжить обучение: поехал и поступил в Воронежский университет, отучился, стал инженером-геологом и по окончании в 1985-м поехал в Якутию по распределению. И задержался там на долгие 27 лет.

Впервые он попал на Томтор в 1985 году. Знаменитый «Полюс холода», где средняя температура зимой — минус 61. Был ноябрь, уже начиналась полярная ночь, длящаяся почти три месяца. Семидесяти северные широты: в ноябре солнце прячется за горизонт и до февраля вокруг кромешная тьма, как под многометровым слоем льда на дне Ледовитого океана. Если что случится, надеяться можно только на себя и товарищей. Свыкнуться с тем, что ты постоянно находишься в экстремальной ситуации — самое важное, и это останется навсегда.

Ехал однажды по тайге, и вдруг упавшей лесиной у трактора выбило заднее стекло. И вот внутри, где должно быть тепло — мороз, как на улице. Ежилсь, ехал, трясясь от холода, а впереди ещё километров 40. Но добрался.

А вот одного случая не забыть никогда. Апрель месяц, как раз день рождения, а ещё исполнился годик дочурке — в один день с ней родились. Отошел от буровой, и внезапно налетела пурга — в двух шагах ничего не видно. А нужно было в пределах одного километра найти и показать буровикам следующую точку. Буран воет, буровую не слышно. Вроде справа гудит, шел туда — нет, теперь гудит слева. Ползал-ползал, устал и сел на снег. Смешно, и слезы текут и замерзают сразу. И снег убрать с лица нет сил. Холодок по спине: Всё... Вот оно, кончилось. Только год отработан на участке. Но Бог милывал — обошлось.

Десять лет руководства геологической службой крупнейшей в России Ботубинской геолого-разведочной экспедиции «АЛРОСА». Был успех. Нашли алмазную трубку Майскую, вопреки всему: район уже был оплоискован. Толстов — в составе первооткрывателей. Вначале Майская считалась маленьким месторождением, сейчас переведена в разряд крупных: в одном ряду с Юбилейной, Удачной, Нюрбинской и Ботубинской. Написанная Толстовым в составе группы учёных монография «Карбонатитовые месторождения России» была отмечена премией А.Н. Косыгина.

Александр Васильевич официально признан первооткрывателем редкометального месторождения Томтор, раскрывшего только осенью 2012 года. Удача с первых дней в геологии сопутствовала — ещё в юности, в 1979-м, на практике составляли геологическую карту, по которой позже было открыто Эльгинское угольное месторождение. Не каждому работающему в Якутии геологу выпадает честь получить высшую награду — звание Заслуженного геолога Якутии. Это свершилось спустя ровно 30 лет, как Александр Васильевич ступил на якутскую землю, причём день в день. А вскоре присвоили звание Почётного разведчика недр РФ, что тоже обязывает. Тридцать лет Якутии были отданы не напрасно.

На заре алмазной геологии были заложены основные традиции, которые продолжают. Каждой весной, с первыми криками перелетных птиц в сердце острой иглой одно — «в поле!» Это будто зов недр, где столько ещё секретов, загадок, будущих открытий. Весной — в поле! Традиция каждого настоящего геолога. Ещё есть традиция профессиональная: если описывается точка наблюдения или кусок керна, геолог это обязательно видел, щупал. Нет в геологии такого, чтобы проба была отображена не там, где заявлена. Отчётам геологов можно доверять, это надёжные люди.

Есть у Александра Васильевича девиз: «Бороться и искать, найти и не сдаваться». А ещё ни о чем не жалеть: это, видимо, такая фатальная вера в судьбу. Много ошибался, порой совершал поступки, которые, казалось, были неизбежны и кем-то запрограммированы. Но упорно шёл вперед. Позже понимал: без этого не было бы следующего шага, приведшего к успеху. Он хотел работать на Индигирке, где нравилось и ждала, а начальство решило — в Амакинскую экспедицию. Приехал на место и попал на руды. Так Толстов стал единственным геологом на Томторе: тот, который работал до него, ушёл на повышение. Судьба направила. И в жизни так: приехал жена-тым человеком. Через шесть лет семья распалась. Сегодняшний Александр Васильевич верен себе: «Было тяжело. Но о чем жалеть: не сложилось? Но не могло сложиться, она москвичка, я — северянин. А через несколько лет повстречал Единственную, с которой мы обвенчались и вместе уже 17-й год. А бросил бы Север — не стал бы собой. Жалеть не о чем».

Толстов знаком со многими из плеяды первооткрывателей. Памятна встреча с геологом Б.А. Секачом, во многом определившим судьбу молодого Александра, С.С. Каримовой, Героем Социалистического Труда, разведавшей Нерюнгинское месторождение, с Н.Н. Сарсадским, разработавшей пироповую съёмку, по которой Л.А. Попугаева нашла первую алмазную трубку. Дорожит Толстов дружбой с легендарным В.Н. Щукиным, открывшим трубки Удачную, Интернациональную и Сытыканскую. В числе знакомых Толстова и В.П. Роцин, первооткрыватель трубки Юбилейной, Н.М. Горюхов, один из первооткрывателей трубки им. XXIII съезда, Е.Н. Елагина — первооткрыватель трубки Мир, А.А. Васильев, С.Д. Черный и Э.Н. Эрлих.